

Субъективная сторона доведения до самоубийства

The subjective side of driving to suicide

Долгополов К.А.

Канд. юрид. наук, доцент, Заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Юридического института Северо-Кавказского федерального университета РФ, г.
Ставрополь
e-mail: nadal06@mail.ru

Dolgopolov K.A.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law, North Caucasus Federal University of the Russian Federation,
Stavropol

Дубачев Р.А.

Студент 1 курса магистратуры Юридического института Северо-Кавказского
федерального университета РФ, г. Ставрополь
e-mail: ug_pravo11a@mail.ru

Dubachev R.A.

Master's Degree Student, Institute of Law, North Caucasus Federal University of the Russian
Federation, Stavropol
e-mail: ug_pravo11a@mail.ru

Носко П.В.

студент 1 курса магистратуры Юридического института Северо-Кавказского
федерального университета РФ, г. Ставрополь
e-mail: ug_pravo11a@mail.ru

Nosko P.V.

Master's Degree Student, Institute of Law, North Caucasus Federal University of the Russian
Federation, Stavropol
e-mail: ug_pravo11a@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности субъективной стороны доведения до самоубийства, показано, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, может быть выражена как прямым, так и косвенным умыслом. Показано, что доведение до самоубийства может быть совершено только с косвенным умыслом, если деяние, имеющее признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, совершено с прямым умыслом, то его квалификация возможна только по ст. 105 УК РФ – убийство.

Ключевые слова: убийство, наказание, назначение наказания, уголовное право.

Abstract

The article examines the features of the subjective side of incitement to suicide, showing that the subjective side of the crime under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, can be expressed by both direct and indirect intent. It is shown that incitement to suicide can only be committed with indirect intent, if the act has signs of a crime under Art. 110 of the Criminal Code

of the Russian Federation, committed with direct intent, then its qualification is possible only under Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation - murder.

Keywords: murder, punishment, sentencing, criminal law.

«Душегубство» в «Судебнике» 1497 г., самоубийство в уложенческий период, закрепление нового состава преступления – доведения до самоубийства, в 1960 г., введение в действие в 1997 г. действующего Уголовного кодекса РФ и последующее изменения, внесённые в нынешнюю ст. 110 УК РФ: криминальный суицид имеет богатую историю своего существования, не ограничивающуюся его криминализацией и совершенствованием правового регулирования. Однако его альтернативно-описательная диспозиция не позволяет с уверенностью определить форму вины субъекта, являющуюся обязательным признаком субъективной стороны преступления.

Справедливо отметим, что такая легальная неопределённость порождает споры в доктрине уголовного права. Проанализировав научные публикации, мы можем выделить несколько позиций относительно характера субъективной стороны состава ст. 110 УК РФ:

1. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, может быть выражена как прямым, так и косвенным умыслом.

2. Доведение до самоубийства может быть совершено только с косвенным умыслом, если деяние, имеющее признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, совершено с прямым умыслом, то его квалификация возможна только по ст. 105 УК РФ – убийство.

3. Вина лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ, может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

4. Форма вины за совершение доведения до самоубийства или покушения на самоубийство – неосторожность.

5. Вина по ст. 110 УК РФ имеет смешанный характер: лицо имеет умысел по отношению к своим действиям, описанным в диспозиции правовой нормы, но неосторожно относится к последствиям совершённого им деяния.

Самоубийство – это добровольный или имеющий такое внешнее выражение поведенческий акт потерпевшего, направленный на лишение себя жизни. Доведение до самоубийства по своей сути является умышленным действием (или их совокупностью) преступника, направленным на введение жертвы в состояние крайней безысходности, из которого она не видит никаких выходов, кроме как покончить с собой. Иными словами, субъект преступления совершает убийство, но руками потерпевшего. В таком случае, как отмечает Е.Е. Воробьёва, квалификация деяния виновного по ст. 105 УК РФ или 110 УК РФ зависит от ряда внутренних и внешних факторов. При доведении до самоубийства акт лишения себя жизни остаётся за потерпевшим: он сам желает причинить себе смерть, избавив тем самым себя от страданий. Однако, если субъект преступления лишает потерпевшего выбора кроме как совершить суицид, деяние следует квалифицировать

по ст. 105 УК РФ [1, с. 24]. Кроме того, если лицо имеет умысел на доведение до самоубийства невменяемое лицо или малолетнего, которые в силу возраста или психического состояния не способны осознать значение своих действий и руководить ими, то содеянное следует квалифицировать как убийство [2, с. 203].

Следовательно, ключевыми моментами рассматриваемого состава преступления являются воля потерпевшего и умысел преступника. Однако можно ли с уверенностью говорить о волевом аспекте, осознании потерпевшим своих действий и их результатов, когда картина жизни, находящаяся перед глазами потерпевшего, нарисована преступником сгущенными красками, иными словами, фактически находится в состоянии искусственно изменённого сознания?

Через призму данных рассуждений мы указываем на невозможность совершения доведения до самоубийства по неосторожности в том смысле, в котором рассматриваемый состав закреплён законодателем в ст. 110 УК РФ.

Указание на возможность совершения преступления, закреплённого в ст. 110 УК РФ, как умышленно, так и неосторожно не позволяет разрешить существующие уже на протяжении долгого времени доктринальные споры о форме вины, кроме того такая позиция лишь усложняет квалификацию содеянного и порождает расширенное толкование правовой нормы, что противоречит замыслу законодателя.

Помимо этого, обратившись к ст. 24 УК РФ, мы отмечаем несостоятельность теории о неосторожности как форме вины при доведении до самоубийства, постольку поскольку законодатель прямо указывает, что деяние, совершённое только по неосторожности, признаётся преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьёй Особенной части УК РФ [3]. Также трудно не указать на некоторые логические противоречия при анализе диспозиции рассматриваемой статьи: деяние совершается определёнными способами, перечисленными в Уголовном законе, которые явно направлены на достижение известной виновному цели, что уже исключает элемент неосторожности.

Так мы подошли к анализу наиболее распространённых точек зрения относительно формы вины по ст. 110 УК РФ.

«Уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом. Виновный осознаёт, что указанным в законе способом принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения себя жизни (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично (косвенный умысел)» [4] – эта позиция подтверждается судебной практикой и является наиболее распространённой в научных кругах. Однако, несмотря на указание правоприменителя, мы полагаем, что в действительности квалифицировать то или иное деяние, имеющее признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, как совершённое с прямым умыслом, т.е. когда виновный осознаёт общественную опасность своих угроз, жестокого обращения, предвидит их последствия в виде самоубийства потерпевшего и желает их наступления, весьма затруднительно.

Тем не менее мы никоим образом не оспариваем умышленность действий виновного. Нам представляется интересной точка зрения, изложенная в комментариях к УК РФ под редакцией В.И. Радченко: если виновный желал довести потерпевшего до самоубийства, то содеянное следует квалифицировать как убийство [2, с. 203]. Такая позиция имеет право на существование, так как, по нашему мнению, субъект, угрожая, применяя психологическое и физическое насилие, тем самым воздействуя на психику потерпевшего, подчиняя его своей воле, превращает последнего фактически в «орудие преступления» – потерпевший является сам источником своей смерти. Это ли умозаключение не является доказательством наличия в действиях преступника умысла на убийство потерпевшего, пусть и совершённое не своими руками?

Анализируя данную точку зрения, у нас обязательно возникнет вопрос: как в таком случае разграничить убийство и доведение до самоубийства? Форма вины, опираясь на положение уголовного закона, достижения уголовно-правовой доктрины и судебную практику, у сравниваемых составов преступлений идентичен. Таким образом, единственным отличием составов служит способ совершения деяния, а точнее его конкретизированность в составе ст. 110 УК РФ. Как указывает П.Д. Мулеванов, при анализе содеянного необходимо исходить из факта сознательной воли потерпевшего, направленного на лишение себя жизни, и умысла виновного, направленного на саму идею самоубийства, которое может совершить лицо под натиском угрожавших и угнетавших его действий. Тем не менее желание наступления последствий в виде смерти – априори должно считаться убийством, в силу намерений лица лишить другого жизни, с недопущением

вероятного исхода – сохранения жизни [5, с. 334]. Так, автор также указывает, что доведение до самоубийства, совершённое с прямым умыслом, квалифицируется как убийство, совершённое особым способом, а доведение до самоубийства в том смысле, который был заложен законодателем, может быть совершено только с косвенным умыслом. Мы видим в данной позиции логику: трудно представить ситуацию, когда виновное лицо, желая смерти потерпевшего, но не рискуя претворить задуманное в жизнь собственноручно, при совершении определённых в законе действий как доведение до самоубийства отнёсся бы к смерти своей жертвы легкомысленно или же вовсе не желал её наступления.

Наиболее эксцентричной и революционной позицией является теория о смешанной или двойной форме вины как обязательного элемента субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Данная точка зрения не нашла ни должного закрепления, ни подтверждения в теории уголовного права. Согласно ей виновный умышленно совершает действия, описанные в диспозиции ст. 110 УК РФ, однако к самим последствиям в виде смерти потерпевшего в результате самоубийства относится легкомысленно или небрежно. Если лицо систематически совершает определённые действия с определённой целью, угрожает, унижает жертву, но самонадеянно полагает, что ввиду привычки существовать подобным образом, страха перед смертью или нерешительности жертва не сможет расстаться с жизнью, или вовсе стараясь таким отношением сильнее привязать её к себе, то вполне логично отсутствие охвата умыслом виновного наступления смерти потерпевшего.

Развивая данную позицию, мы обращаем внимание на мнение некоторых авторов, в частности А.В. Ковалёвой, о необходимости разграничения доведения до самоубийства как умышленного акта и как совершённого по неосторожности, чтобы сохранить целостность принципа дифференциации уголовной ответственности, введя в Особую часть УК РФ новую статью: «Доведение до самоубийства по неосторожности» [2, 204].

Умышленный же акт доведения до самоубийства как частная разновидность убийства, совершённое руками потерпевшего, мы предлагаем включить в состав ст. 105 УК РФ под новой частью 2.1: «Доведение до самоубийства или покушение на самоубийство, то есть умышленные действия лица, направленные на возбуждение и укоренение желания потерпевшего на совершение самоубийства путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, в результате чего последний своими волевыми действиями причиняет себе смерть».

Литература:

1. Воробьёва Е.Е. Проблема определения субъективной стороны состава преступления доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и отграничение его от убийства (ст. 105 УК РФ) // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. – 2023. – № 2 (58). – С. 22-26.
2. Ковалёва А.В. Проблемы регламентации доведения до самоубийства // Молодой учёный. – Декабрь 2021. – № 49 (391). – С. 201-204.
3. Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8a8fb9e48785391b029cd02c7f2b14f1b88a4204/ (дата обращения: 03.12.2023).
4. Приговор № 1-724/2014 1-86/2015 от 25.06.2015 Тракторозаводского районного суда г. Челябинска по делу № 1-724/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/iANHLINiZGu5V/> (дата обращения 03.12.2023).
5. Мулеванов П.Д. Проблема определения субъективной стороны состава преступления доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и его отграничение от убийства (ст. 105 УК РФ) // Вопросы студенческой науки. – Апрель 2022. – № 4 (68). – С. 331-334.